

Завѣтъ Пушкина

Развивая случайно оброненное замѣчаніе Вл. Соловьева, Гершензонъ далъ, какъ извѣстно, свое толкованіе пушкинскаго «Памятника», въ корень расходящееся съ общепринятымъ. Знаменитая 4-я строфа, поддѣланная Жуковскимъ, была поддѣлана, думалъ Гершензонъ, по недоразумѣнію. « Въ «Памятникѣ», писалъ онъ, точно различены : 1) подлинная слава — среди людей, понимающихъ поэзію — а таковы преимущественно поэты... и 2) слава пошлая среди толпы, смутная слава — извѣстность... Именно — слава за то, что онъ «возславилъ свободу и милость къ падшимъ призываеъ». « Эта пошлая слава будетъ клеветою (курсивъ мой). Навѣки-ли упрочится это непониманіе? Повидимому, Пушкинъ думалъ, что со временемъ оно уступитъ вѣрному пониманію его поэзіи; оттого онъ и говоритъ: и долго буду тѣмъ любезенъ я народу и т. д... » (Мудрость Пушкина, 1919, стр. 60-61).

Традиціонное толкованіе противорѣчитъ всему, что извѣстно о взглядахъ П-на на поэзію.

Насколько можно судить по догматическому изложенію кн. Д. С. Мірскаго (Пушкинъ 1926), толкованіе Гершензона принято, какъ безспорное, новѣйшими знатоками П-на. Названный критикъ считаетъ даже, что это — почти единственный изъ всѣхъ домысловъ Гершензона о П-нѣ, которому суждено упрочиться въ Накѣ.

Я думаю, напротивъ, что это толкованіе — какъ разъ одинъ

изъ самыхъ неудачныхъ образчиковъ гершензоновской « экзегезы » и что лучше ужъ возвратиться къ традиціонному. Пересмотръ вопроса стоитъ труда, — разъ дѣло идетъ о смыслѣ стихотворенія, считающагося поэтическимъ завѣщаніемъ величайшаго поэтическаго гения.

Мы видѣли, что, согласно Гершензону, старое пониманіе противорѣчитъ **всѣмъ** высказываніямъ П-на о поэтѣ и поэзіи. Гершензонъ тутъ-же ссылается на « свободы съятель пустынный ». Достаточно этой одной ссылки, чтобы убѣдиться, что **всѣмъ** высказываніямъ П-на старое пониманіе во всякомъ случаѣ не противорѣчитъ.

Вѣдь какъ никакъ, — П-нъ здѣсь называетъ себя дѣтелемъ свободы, хотя и признаетъ тщету своихъ усилій. Впрочемъ, перебирать наново тексты за и противъ — было бы пустымъ занятіемъ. Равнымъ образомъ, было бы бесплодно подымать снова вопросъ о « политическихъ убѣжденіяхъ » П-на. Для насъ достаточно того, что о «свободѣ» онъ мечталъ до конца жизни. Правда, содержаніе этого понятія у него какъ будто мѣнялось. «Свобода», которая радостно встрѣтитъ декабристовъ, когда рухнутъ ихъ оковы и братья отладутъ имъ мечъ, имѣетъ, казалось-бы, немного общаго со свободой по приходу своей скитаться здѣсь и тамъ, дивясь божественнымъ природы красотамъ. Но, во-первыхъ, кто намъ даетъ право утверждать, что вторымъ стихотвореніемъ

« снимается » первое? А затѣмъ, — равнодушіе къ политиканству — развѣ одно и то же, что и пренебреженіе политической свободой? Считаться здѣсь и гамъ по своей прихоти — то именно, чего, усталый рабъ, онъ добивался всю жизнь и въ чемъ ему упорно и туло было отказываемо, — вѣдь это тоже, если не « политическое », то « общегражданское » право. *)

Если вѣрна мысль Ходасевича (а я думаю, что глубоко вѣрна) о связи между настроеніями и поэтическими образами у П-на, то очень важно обратить вниманіе на то, что о себѣ, какъ поэтъ-жрецъ и о декабристахъ, о своемъ поэтическомъ творествѣ и объ ихъ духовной работѣ, онъ высказывался столь разительно сходнымъ образомъ, что **скорбный трудъ** своихъ друзей какъ-то связывался въ его сознаніи съ его поэтическимъ **трудомъ**, съ его собственнымъ подвигомъ : усвершенствуя плоды **высокихъ думъ... и думъ высокое** стремленіе... Важно и сходство звучаній : угрюмая, суровая рѣчь на у, на которыхъ построены весь сонетъ « Поэту », слышны и въ Посланіи : рудъ — трудъ, надудъ — отдадутъ...

Еще одна параллель : нѣтъ, **весь** я не умру — это какъ бы отвѣтъ напредсмертный возгласъ Андрея Шенье : я скоро **весь** умру. Спустя одиннадцать лѣтъ Пушкинъ вспоминаетъ, это не-

*) И развѣ отчаянный возгласъ въ « Изыде съятель » : паситесь мирные народы, васъ не пробудитъ **чести** кличъ, — не является въ сущности **призывомъ** къ сводѣ?

сомнѣнно автобиографическое въ своемъ исходномъ пунктѣ стихотвореніе, прощанье съ жизнью поэта, « лира котораго « не измѣнилась до конца » и, наказуя казни, « поетъ свободу ».

Гершензонъ придавалъ большое значеніе варианту 4-й строфы « Памятника » ... что звуки новые для плѣсенъ я обрѣлъ, что вслѣдъ Радишеву возславилъ я свободу и милосердіе воспѣлъ. Первую изъ этихъ строкъ Пушкинъ отвергъ потому что она приписывала народу такое сужденіе о поэзии, до котораго онъ едва-ли способенъ возвыситься... » (стр. 53).

Допустимъ, что это такъ и было. Это означаетъ, что — по крайней мѣрѣ первоначально у поэта не было того **намѣренія**, какое ему приписываетъ комментаторъ, и что все, что слѣдуетъ дальше, сказано вполне bona fide, безъ тѣни насмѣшки надъ понимающимъ « народомъ ». Вѣдь обрѣтеніе « новыхъ звуковъ » (смыслы рождены... для звуковъ сладкихъ...) составляло въ глазахъ П-на его **подлинную** заслугу. А значить такой же заслугой со своей стороны онъ считалъ и то, что вслѣдъ Радишеву возславилъ свободу и милосердіе воспѣлъ. Возможно, что затѣмъ П-нъ задумался надъ тѣмъ, въ состояніи-ли « народъ » оцѣнить **первую** изъ этихъ сторонъ его поэтической дѣятельности. Изъ этого не слѣдуетъ, что другую сторону онъ считалъ ничтожной, призрачной, недостаточной для подлинной славы. Но вотъ что въ высшей степени интересно : вмѣсто « звуковъ новыхъ » явились « чувства добрыя ». Смыслъ совершенно другой, но **звуковой комплексъ**

остался прежним. Мы присутствуем при самой тайнѣ зачатія и вырѣванія плода поэтическихъ думъ, при той работѣ надъ нимъ, о которой П-нъ говоритъ въ сонетѣ (усовершенствуя плоды высокихъ думъ...). Здѣсь примѣръ, показывающій, до какой степени точны самонаблюдения другого настоящего поэта, Марины Цвѣтаевой (см. ея замѣчанія о процесѣ поэтического творчества въ « Благонамѣренномъ » № 2) и насколько они имѣютъ общее значеніе. Съ поэтомъ происходитъ приблизительно то, что бываетъ и съ каждымъ изъ насъ, когда мы ищемъ забытое слово : въ нашемъ сознаніи наличествуетъ неопредѣленная звуковая индивидуальность и, руководясь ею, мы постепенно находимъ то, что намъ надобно. Введенный въ заблужденіе тождествомъ звуковой окраски « чего-то », услышаннаго имъ, поэтъ сперва остановился на одномъ смысловомъ субстратѣ, затѣмъ, убѣдившись въ своей ошибкѣ, замѣнилъ его другимъ. Дальнѣйшая работа усовершенствованія строфы идетъ въ нѣсколько иномъ направленіи. вмѣсто немного грузнаго и монотоннаго повторенія формъ — « восславилъ », « воспѣлъ » — появляется во второмъ случаѣ — « призывалъ ». И оказывается, что это вѣрнѣе и правдивѣе : **воспѣвается** то, что **есть**; а въ его жестокой вѣркѣ для воспѣванія милосердія П-ну не представлялось случаевъ. Къ милосердію онъ могъ только **призывать**. Тутъ приподымается завѣса надъ тайной творческаго инстинкта. « Форма » и « содержаніе » въ поэзи до такой степени **одно**, что работа надъ формой является въ силу необходимости и

работой надъ смысломъ. *) Въ окончательномъ видѣ эта строфа характеризуется преобладаніемъ скорвныхъ ударныхъ, о нѣмъ сообщаетъ ей грустную серьезности. **) Уже одно это заставляетъ убѣдиться въ ложности толкованія, приписывающаго ей саркастическій смыслъ. « Милость къ надшимъ призывалъ ». Было бы просто неделикатно, безвкусно, свѣдѣтельствовало бы о полномъ отсутствіи душевнаго изящества у П-на, — смѣяться надъ этимъ. И было бы неискренностью, неправдой называть это « клеветою ». Это было бы со стороны П-на отреченіемъ отъ себя самого :

Я льстець? Нѣтъ, братцы,
 льстець лукавъ :
 Онъ горе на царя накличетъ,
 Онъ изъ его державныхъ
 правъ
 Одну лишь милость ограничи-
 чить...

И еще : въ бореньи падшій не-

*) Подтвержденіе своей догадкѣ Гершензонъ видѣлъ и въ томъ, что въ первоначальной редакціи названъ Радищевъ, къ которому П-нъ относился отрицательно. П-ну дѣйствительно была несимпатична личность Радищева, — отсутствіе какъ ему казалось, мужества и достоинства въ немъ. Да, наконецъ, вѣдь Радищева онъ вычеркнулъ при переработкѣ оды.

**) Отсюда и «долго» — слово, нужное по своей звуковой окраскѣ. Гершензоновское « медленное чтеніе » переходило перѣдко въ какую-то, напоминающую средневѣковыхъ комментаторовъ библейскихъ текстовъ, прищурку къ отдѣльнымъ словамъ.

вредимъ. Враговъ мы въ прахъ не топтали...

Не проще ли предположить, что клеветниками П-нъ считалъ тѣхъ, кто называлъ его «льстецомъ», а не тѣхъ, кто соглашался признать, что въ своихъ отношеніяхъ къ Николаю Павловичу и ко двору онъ не утратилъ своего достоинства?

«Памятникъ» — ода, подражаніе Горацио (и Державину, который «истину царямъ съ улыбкой говорилъ»). Первые онъ вспомнилъ о Горацио послѣ русскихъ Филиппъ, трагедіи на Сенатской площади, и послѣ своего прошенія. Чуткая совѣсть, тревожившая его за то, что онъ, пророкъ Россіи, не облекся позорной ризой и съ вервиемъ на выѣ не явился передъ царемъ въ роли грознаго обличителя, приравняла въ его глазахъ его уклончивость бѣгству съ поля битвы (relicta non bene pugna):

Ты помнишь часъ ужасной битвы,

Когда я, трепетный квивиръ,
Бѣжалъ, нечестно бросивъ щитъ,
Творя обѣты и молитвы.
Какъ я боялся, какъ дрожалъ...

Онъ былъ Овидіемъ при прежнемъ Августѣ; при Августѣ новомъ онъ сталъ Горациемъ. Тѣмъ, что онъ выдержалъ роль Горациа, что онъ не принялъ участія въ отвратительныхъ ликованіяхъ «льстецовъ» по поводу расправы съ декабристами, что онъ не ругался надъ жертвой палача, что онъ напомнилъ о разницѣ между буйнымъ стрѣльцомъ и Долгорукимъ, что напервомъ приемѣ у царя онъ не отрекся отъ «отчаяннаго Брута», онъ искупилъ свое прошеніе.

Въ противоположность всѣмъ остальнымъ произведеніямъ Пушкинской лирики, «Памятникъ» стилистически кажется не выдержаннымъ. Въ немъ нѣтъ единства стиля. Первые три строфы условно высокопарны, съ обиліемъ славянскихъ, «приличествующихъ одѣ», словъ и оборотовъ: глѣва, столпъ, тлѣнья, убѣжить, доколь, пинтъ, всякъ сущій въ ней языкъ. Внушаемая подборомъ словъ идея — образъ — поэта — это образъ идеальнаго поэта, «поэта — вообще», жреца Аполлона, абстрактнаго (vates). Личное, автобиографическое, индивидуальное, однако, едва, но все же, прорывается: Горациево общее мѣсто (— aere perennius, aedificae situ pyramid' altius) передано съ нарочитымъ оттѣнкомъ: вознести выше онъ главою непокорной Александрійскаго столпа. Поэтъ предвкушаетъ посмертное торжество надъ своимъ державнымъ притѣснителемъ.

Въ этомъ оттѣнкѣ — мотивировка перехода къ тому, что составляетъ содержаніе четвертой строфы. Здѣсь полная перемѣна тона и стиля. Славянизмы исчезли, нѣтъ торжественной приподнятости*), абстрактное, гегатическое, монументальное, замѣняется личнымъ, человѣческимъ. Съ рѣдкой силой, прямоотой и категоричностью характеризуетъ онъ свой вѣкъ, и точно опредѣляетъ свою роль и свою заслугу, то данное индивидуальное, въ чемъ воплощается вѣчное. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ здѣсь и о своей всена-

*) Изъ особо — «торжественныхъ словъ» первой редакціи: «обрѣлъ, возславилъ, воспѣлъ», во второй осталось только одно.

родной славы **въ будущемъ**. Если слѣдовать приему Гершензона и комментировать П-на слово за словомъ, разбирая каждое въ от- дѣльности, можно было бы это подкрѣпить ссылкой на то, что сказано въ «Памятникѣ» выше — о «нынѣ дикомъ» тунгусѣ, который «назоветъ» поэта, — очевидно въ отдаленномъ будущемъ, когда выйдетъ изъ состо- янія «дикости».

Отъ будущей славы мысль П-на обращается къ настоящему, и сразу онъ попадаетъ въ высоко- мѣрный, замкнутый тонъ Соне- та, съ его короткими, рѣшитель- ными велѣніями самому себѣ (здѣсь — «Музѣ») ... не оспари- вай глупца (въ Сонетѣ : услы- шини судъ глупца...). Онъ узналъ при жизни и то и другое : и «хва- лу» и «клевету». Онъ былъ люби- мѣйшимъ поэтомъ своего време- ни тогда, когда писалъ сладко- звучныя стихотворенія въ «апа- креонтическомъ родѣ», когда онъ воспѣвалъ любовь, въ пору Рус- лана, Бахчисарайскаго Фонтана, Кавказскаго Пѣлѣника. Когда ге- ній его достигъ своей высшей точки, когда кругозоръ его рас- ширился, когда мысль его стала обращаться къ вѣчнымъ загад- камъ бытія и къ основнымъ про- блемкамъ русской исторической жизни — читатели и критики (вы- ключая Вѣлинскаго) находили, что творчество его идетъ на убыль, что родникъ его поэзіи ис- сякаетъ. И когда, быть можетъ, бессознательно обманывая самого себя, онъ пытался использовать съ наибольшей честью для себя то двусмысленное и одіозно-при- видегрированное положеніе, въ ко- торое его поставилъ его августѣй- шій цензоръ, когда небомъ из-

бранный дѣвецъ дерзаль гово- рить «языкомъ сердца», en haut lieu, отвѣтомъ были презрительно- учтивыя одергиванія со стороны Бенкендорфа и заподозриванія въ искательствѣ со стороны друзей. Тогда душа его искала успокоенія въ сознаніи исполненнаго поэти- ческаго и нравственнаго долга... Ты царь, живи одинъ. Дорогою сво- бодной иди, куда влечетъ тебя свободный умъ, усовершенствуя плоды высокихъ думъ, **не требуя награды** за подвигъ благородный... Обиды не страшась, **не требуя вѣнца**, хвалу и клевету пріемли равнодушно...

Такова скала мыслей и чувствъ, бѣгло пройденная въ «Памятни- кѣ». Стилистическая нестрога здѣсь не идетъ въ разрѣзъ съ единствомъ эмоциональнаго плана: стилистическіе переходы и пере- ломы строго мотивированы пси- хологически. Въ своемъ поэтиче- скомъ завѣщаніи Пушкинъ еще разъ выразилъ свой взглядъ на Поэта и на его судьбу среди лю- дей примѣнительно къ частному случаю — поэта Пушкина — и вмѣстѣ съ тѣмъ подвелъ итогъ своей поэтической дѣятельности. Поэтъ, подхлотившій въ своихъ величайшихъ созданіяхъ (Мѣл- ный Всадникъ!) вплотную къ ко- нечной философской проблемѣ, проблемѣ свободы въ ея отноше- ній къ Необходимости, къ Закону въ космической жизни и въ исто- ріи, разрѣшившій въ политическомъ планѣ эту проблему въ гени- альной формулѣ: свободною ду- шой законъ боготворить, имѣлъ основаніе сказать о себѣ то, что сказано въ 4-ой строфѣ «Памят- ника».

То, что въ этой строфѣ поэтъ какъ-бы примиряется съ народомъ,

« бессмысленнымъ народомъ », « тупой чернью », не должно смущать. Тѣ гнѣвныя, бранчивыя обращенія къ « народу », которыми изобилуетъ поэзія П-на, показываютъ, что равнодушнѣе къ « народу » онъ не былъ, что его *o di profanum vulgus*, его « гораціева позиція » не значила, что до « черни » ему никакого дѣла нѣтъ. Ненависть ближе къ любви, чѣмъ равнодушіе. И не слѣдуетъ думать, что слова : наслѣдство вамъ изъ рода въ роды яро съ гремушками да бичъ — буквально выражаютъ несокрушимое убѣжденіе. Кто дѣйствительно такъ считаетъ, — Меттернихъ, Жозефъ де Мэстръ — тотъ не возмущается, не негодуетъ, и въ рабскихъ свойствахъ « народа » видитъ не порокъ, но добродѣтель, не извращеніе, а норму.

Въ « Памятникѣ » сплетены въ одинъ узелъ основные мотивы пушкинской поэзіи : сама поэзія, ея величіе и достоинство, русская великодержавность *) и *credo quia absurdum* — будущая свобода русскаго народа. Какъ въ подлинно-лирическомъ произведеніи, эти мотивы отнесены къ личности самого поэта, связаны съ его размышленіемъ о собственной посмертной судьбѣ. Наперекоръ всему, поэтъ утверждаетъ свое бессмертіе, бессмертіе своей « большей части » (*magis que pars mei vitabit Libertinum*), души въ завѣтной лирѣ, утверждаетъ

*) Онъ хочетъ быть не русскимъ только, но російскимъ поэтомъ : слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой и назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ : и гордый внукъ славянъ (правящій народъ) и финнъ и т. д.

тѣмъ самымъ торжество высшаго начала, жизни, т. е. Свободы, надъ низшимъ, необходимостью, смертью. Изъ этой вѣры, изъ этого гордаго да родятся всѣ его раздумья.

Мы выяснили единство « Памятника », при удержаніи общепринятаго пониманія его 4-ой строфы. Думается, что тѣмъ самымъ правильность этого пониманія доказана.

**

Гершензонъ пришелъ къ своему толкованію потому, что традиціонное, казалось ему, было оскорбительно для П-ла : П-нъ выходилъ « гражданскимъ поэтомъ ». Гершензону была непереносима мысль, что самъ П-нъ могъ гордиться наличностью «гражданскаго элемента» въ своей поэзіи. Здѣсь — большое недоразумѣніе. « Мотивы », « темы », « элементы » поэзіи есть нѣчто — въ извѣстномъ смыслѣ — безразличное. « Гражданская поэзія » плоха не тѣмъ, что она « гражданская », а тѣмъ, что она не — поэзія и поскольку она не поэзія т. е. поскольку « гражданское » въ ней сознательно противопоставляется « поэтическому » или замѣняетъ собою послѣднее, — согласно формулѣ : поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ; другими словами, — поскольку « предметъ поэзіи («гражданское») не субъективизируется для поэта, не ставъ символомъ его духа, его внутренней жизни. Ясно, однако, что столь же « чистымъ объектомъ » можетъ быть не только « отечество » или « свобода », но и «любовь» и «луна» и «дѣва» и что,

стало быть, съ этой точки зрѣнія « гражданская поэзія » (или « пролетарская ») рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ всякой лже-поэзіи. Но къ Пушкину все это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія. И тѣмъ, что онъ « возславилъ

свободу », Пушкинъ можетъ быть, любезенъ не только « народу », но и « пѣту » : ибо возславленіе свободы у него никогда не было рифмованной публицистикой а было чистой поэзіей.

П. Биццли.

Вопросъ о трезвости въ американской политикѣ

I

Соединенные Штаты за послѣднее время достигли вершины экономического процвѣтанія. Текущій бюджетный годъ по исчисленію секретаря казначейства Меллона долженъ дать около 800 милліоновъ долларовъ превышенія доходовъ по сравненію со смѣтой. Всѣ государственныя погребности такъ широко покрыты въ настоящее время, что правительство не нашло для этой суммы другого назначенія, кромѣ новаго уменьшенія государственнаго долга. За послѣдніе 7 лѣтъ, такимъ образомъ, американцы уничтожили около 25 процентовъ всѣхъ государственныхъ облигацій, составляющихъ теперя менѣе 20 милліардовъ долларовъ вмѣсто 26 слишкомъ въ 1919 году.

Этому экономическому процвѣтанію (чтобы не говорить о міровомъ преобладаніи), казалось бы вполне соответствовать и политическая гармонія въ странѣ. Президентъ Кулиджъ только недавно (въ ноябрѣ 1924 г.) переизбранъ на свой постъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ противъ кандидата демократовъ Дэвиса, потерпѣвшаго, согласно общимъ ожиданіямъ, неудачу на выборахъ. Палата Представителей также имѣетъ республиканское большинство

(въ 69 голосовъ). Сенатъ, вопреки обыкновенію, равнымъ образомъ не представляетъ исключенія изъ этой картины : формально республиканское большинство (въ 16 голосовъ, если считать республиканцевъ всѣхъ отѣтнковъ), въ немъ обезпечено.

Такое единообразіе, дѣлающее Кулиджа полновластнымъ хозяиномъ государственной машины, не только необычно въ американскихъ условіяхъ, но даже и не предусматривается американской конституціей, для того и установленной различныя способы и сроки избранія конгресса и президента, чтобы обезпечить свободное взаимодействіе различныхъ политическихъ силъ.

Тѣмъ не менѣе, гармонія эта является кажущейся. Она доживаетъ въ Америкѣ теперь свои послѣдніе дни, и все яснѣе выдвигаются и новыя острія проблемы, и новые конфликты, новыя политическія силы и группировки. Превжній престижъ республиканской партіи оказывается лишь простымъ производнымъ экономического процвѣтанія, въ настоящее время уже неспособнаго покрыть собою новыхъ политическихъ настроеній страны. Вмѣсто кажущейся гармоніи при внимательномъ анализѣ вырисовывается рядъ конфликтовъ и противо-